

Воздействие Свято-Введенской Оптиной Пустыни на русскую литературу XIX века

Статья рассказывает о месте Свято-Введенской Оптиной пустыни в развитии русской литературы XIX века. Особенно велико было ее воздействие на русское славянофильство, а также на Гоголя и Достоевского. Но скрытое влияние обители на литературу намного глубже и значительнее, потому что ее посетил не один десяток писателей и деятелей русской культуры, например, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, В.А. Жуковский и многие другие.

Оптина пустынь, русское старчество, русская классическая литература XIX века, славянофильство, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой.

А. А. Alexeev,
Shadrinsk

A Russian literature of XIX-th century under the influence of a Svjato-Vvedenskaja Optina Pustyn'

The article reads about Svjato-Vvedenskaja Optina Pustyn' (ortodox monastery), which was very important for development of the XIX-th century's Russian classical literature. That influence was very significant for slavianophil's philosophy and Gogol and Dostoevsky's point of view. The monastery was visited by many Russian writers and artists, for example, I. Turgenev, L. Tolstoy and many others. It exercised open and latent influence on them.

***Keywords:** Optina Pustyn', Russian's starchestvo, Russian classical literature of XIX-th century, slavianophil's philosophy, F. Dostoevsky, N. Gogol', L. Tolstoy.*

Свято-Введенская Оптина пустынь занимает совершенно особое, очень значимое место в истории русской культуры и литературы XIX–начала XX-го веков. Этот мужской монастырь под городом Козельском, который посетили многие представители русской классической культуры и литературы, теперь в научной литературе упоминается довольно часто. Однако многое в этом феномене современному человеку непонятно. И прежде всего – зачем русские классики ездили в этот провинциальный монастырь, расположенный не очень-то удобно для столичной интеллектуальной элиты?

Сегодня наука накапливает все больше и больше фактов, свидетельствующих, что **классическая русская культура развилась на духовно-нравственном фундаменте, заложенном в России Православием.** Многие черты менталитета, психологии творчества, эстетики и поэтики российских писателей и художественных деятелей восходят именно к этому источнику. Тем более, что эти корни уходят в самые давние времена, ко времени Крещения Руси и принятия нашими предками православного кирилло-мефодиевского духовного и культурного наследия. Да и поиски ответов на самые коренные вопросы жизни русскими классиками, как правило, приводили их к сфере религии. Как свидетельствуют воспоминания современников, многие из них на склоне лет проявляли себя как верующие люди. Преподобный Варсонофий Оптинский, сам тесно связанный с классической русской культурой XIX века, говорил: «[...] лучшие наши писатели стремились к Богу, хотя теперь [их читатели – А.А.] как-то забыли об этом, и студенчество сейчас ничего не читает, а о Шекспире и Пушкине и понятия не имеют. А эти писатели могли поднять их от будничной, серой, обыденной жизни и привести к Богу» [7, с. 268]. *Думается, что сегодня наступила очередь и нашей как высшей, так и общеобразовательной, школе соприкоснуться с этим духовно-культурным феноменом.*

Как же сложился духовный феномен Оптиной?

Свято-Введенская Оптина Макариева Пустынь была основана на рубеже XIV-XV столетий в густом сосновом бору на правом берегу живописной реки Жиздры, близ города Козельска. По преданию, основал обитель раскаявшийся атаман шайки разбойников по имени Опта, в монашестве Макарий.

За свою историю монастырь пережил многое: и периоды благополучного развития, и периоды оскудения и даже временное закрытие.

В начале XIX столетия монастырь становится важнейшим центром возрождения в России духовного феномена монастырского старчества. В старчестве Оптинских отцов раскрылись великие дары христианского духовного делания: дар духовничества и наставления, врачевания душ и исцеления, прозорливости и пророчества.

Кто же из знаменитых и известных русских писателей и литераторов XIX – начала XX веков посетил благословенную Оптину, как ее называли современники? Ф.М. Достоевский, гр. Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, В.А. Жуковский, гр. А.К. Толстой, русские славянофилы и сочувствующие им литераторы: братья Киреевские и Аксаковы, А.С. Хомяков, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, А.И. Кошелев, гр. А.П. Толстой (друг и благодетель Н.В. Гоголя, позднее – Обер-Прокурор Святейшего Синода), Т.И. Филиппов, Н.Н. Страхов; а также – Т.Н. Грановский, В.С. Соловьев, А.П. Апухтин, Вел. князь К.К. Романов (поэт К. Р.), В.И. Аскоченский, М.М. Пришвин, В.В. Розанов, по некоторым сведениям – А.А. Ахматова. Кроме того, обитель посещали видные православные духовные писатели: святитель Филарет (Дроздов), Митрополит Московский и Коломенский, святитель Игнатий (Брянчанинов), Епископ Ставропольский, писатели и публицисты К.Н. Леонтьев, Евг. Поселянин и С. Нилус (последние имели в ней духовников, как и семья И.В. Киреевского). Из писателей XIX века, получивших мировое признание, в этом списке нет разве что А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Ф.И. Тютчева, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина).

В 1978 году крупнейший российский филолог и историк В.В. Кожин обратил внимание на интересную закономерность: «Посмотрите на карту Европейской России и найдите на ней какую-либо точку в трехстах пятидесяти километрах к югу от Москвы. Ну, скажем, селение Богодухово на реке Неручь (приток Зуши, впадающей в свою очередь, в Оку). Если взять его в качестве центра некоего круга с радиусом 150-200 км, окажется, что эта совсем малая часть нашей страны (всего каких-нибудь 3 процента площади Европейской России!) породила поистине великую плеяду художников слова – Тютчев, Кольцов, А.К. Толстой, Тургенев, Полонский, Фет, Никитин, Лев Толстой, Лесков, Бунин, Есенин...» [3, с. 166–167].

В.Н. Криволапов отмечает, что эта же территория, только немного большего диаметра, прославилась также и разместившимися на ней и освящавшими ее «старческими» монастырями, высший образец которого как раз и представляла популярная среди значительной части представителей русской культуры 2-й и 3-й третей XIX столетия Оптина пустынь [4, с. 128]. Развивая эту идею, заявим, что **аскетическое духовное «делание» русских монахов и старцев** (их праведная жизнь по заповедям, молитвы, борьба с духовным злом как внутри себя, так и извне, духовно-нравственная помощь ближнему и т.п.) **создавало то напряженно-чистое духовное поле, в котором как раз и могли осуществиться творческие способности классиков** («таланты» в Евангельском смысле этого слова, то есть «дары Божии») лучших представителей русской литературы XIX века.

Что же такое русское старчество? В монастырях старчество известно с первых веков их существования. Старчество – это наставничество опытных монахов над недавно пришедшими «новоначальными». Старцы передавали им суть монашеской жизни –

искусство обожения. Как писал еще Дионисий Ареопагит, «<...> спасение не иначе может быть совершено, как через обожение спасаемых. Обожение же есть уподобление по мере возможности Богу и единение с Ним» [1, Т. I, с. 13] (спасение – это преодоление человеком своих страстей, которые, отрывая душу от Бога, в конце концов всегда ее губят, закрывая ей вход в Царство Небесное – А.А.). Обожение опиралось на особую педагогическую методику: обязательное открытие новоначальным монахом старцу на исповеди своих мыслей и желаний и покаяние в греховных мыслях и делах, а также «отсечение собственной воли» и жизнь исключительно по благословию старца. Все свои помыслы и желания послушник сначала рассказывал старцу и, лишь получив благословение, исполнял их. Если же благословение не давалось, то он должен был от них отказаться, даже если внешне они казались весьма благими. Старец брал всю ответственность за послушника (так теперь звали доверившегося ему человека) на себя и вел его за собой по испытанным путям в сфере духовной жизни. В результате духовное становление послушника происходило очень быстро и с меньшими потерями.

Начиная со старца Леонида (Льва) оптинские старцы начали применять эту педагогику не только к монахам, но и к посещавшим обитель мирянам. Как говорит в фильме А. Шакурова «Оптина пустынь» монах о. Филарет: «Старец мог сказать волю Божию относительно любого человека. Он разумел малейшее отклонение от добра и чистоты, сам имел чистое сердце и чувствовал приближение любой нечистоты. Он находился всё время в сердечной Иисусовой молитве, и эта чистота, которую давала ему молитва, высвечивала любую нечистоту [такой вид духовной жизни называется в Православии исихазмом – А.А.]. **И он мог сказать человеку самый правильный, самый верный, самый нравственный выход из любого самого сложного положения и ситуации**». Из этого, кстати, следует, что посещавшие старцев миряне (верующие, живущие обычной светской, «мирской» жизнью – А.А.) обладали послушанием, то есть не нарушали данных им указаний. После беседы со старцем и исповеди у него посетители говели и причащались, проводя в обители хотя бы пару дней. Старцы молились за каждого из них. Как следствие нормализации духовно-нравственной жизни этих людей, происходило успешное разрешение тяжелых житейских обстоятельств, исцеление заболеваний, получение ответов на казавшиеся неразрешимыми вопросы посетителей. Перенос русскими монахами педагогики монашеского старчества на мирян и получил название «русского старчества». С.С. Хорунжий, объясняя суть этого явления, указывает, что в его основе лежит бескорыстное, христиански-любтивное общение очищенной исихастским подвигом души старца с душами проходящих к нему людей. Общение это принципиально отличается от современных психотехник общения, «<...> ибо все психотехники, выстраиваемые отдельно и самоцельно суть техники владения, властвования над собой или над другими (а самые амбициозные – и над собою, и над другими), они разворачиваются в дискурсе власти, с неременным участием начал господства и подавления. А подлинное принятие другого – это бескорыстное общение, когда не посягают на свободу другого, не ищут власти над его душой и умом, не превращают его в предмет, в средство, хотя бы и для благих целей, а лишь хотят дать ему осуществить себя, сбывсь. **И такое общение не устанавливается никакой психотехникой, оно устанавливается и держится единственным средством: любовью.** Еще в большей степени это верно, когда идет речь о духовном общении. <...> и никакой психотехникой, никакими технологиями власти немислимо и невозможно ввести человека в истинную жизнь во Христе. **Это возможно единственным путём, путём расточающей себя Христовой любви.** <...> Как говорят все свидетельства, именно этим первенством любви и было движимо, одушевляемо служение русских старцев. Известный религиозный писатель Е. Погожев (Поселянин) так выражает главную черту преподобного Амвросия:

«Меня поразила в нём непостижимая бездна любви». <...> Здесь, в этой преисполненности любовью Христовой, вся тайна русского старчества и вся сила его» [8, с. 30–31].

Первым таким старцем в обители стал преподобный Лев Оптинский (Наголкин, 1768–1841). Именно его обыкновенно считают основателем линии оптинского старчества. От него духовная эстафета перешла к преподобному Макарию (Иванову, 1788–1860) и – далее – к преподобному Амвросию Оптинскому (Гренкову, 1812–1891). Окончательно сложилось русское старчество и приобрело свою классическую форму именно при нем. В духовнической практике отца Амвросия раскрылись дары, ниспосланные ему Богом за высокое смирение [добродетель, противоположную по своим качествам пороку гордыни – А.А.]. Старец стяжал такие дары Святого Духа, как евангельская любовь, прозорливость, дар исцелений, рассудительность. В келью преподобного приходили богатые и бедные, верующие и неверующие. Всех он принимал с одинаковой любовью, и сердечной теплотой. Часто преподобный говорил в форме простых присказок-афоризмов. Например, на вопрос: «Как жить, чтобы спастись?», он отвечал: «Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем – мое почтение». Другой его афоризм: «Добродетель не груша, сразу не съешь», – намекал, что приобретение добродетели требует и времени, и усилий, и терпения. Всего за 100 лет в Оптиной пустыни процвело 14 духоносных старцев. Эту духовную педагогику русские деятели культуры испытали на себе, и она оказалась очень эффективной. Многие из них нашли, благодаря Оптиной, разрешение своих сложнейших, не поддававшихся их собственными усилиям, вопросов. И, в свою очередь, передали в той или иной форме эти ответы своим благодарным почитателям. **Всё это, безусловно, усиливало духовность русской классической культуры.** Не случайно, уже в XX-м веке, Томас Манн назовет нашу классическую литературу XIX-го века «святой литературой».

В 1822 году А.С. Пушкин, видя огромную роль монастырей и духовенства в просвещении русского народа, писал, что Императрица Екатерина Вторая, «лишив его [духовенство – А.А.] независимого состояния и ограничив монастырские доходы, <...> нанесла сильный удар просвещению народному. <...> В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. <...> Мы обязаны монахам нашею историею, следственно, и просвещением» [9, с. 71]. Как всякий гений, великий поэт опирался в своем заключении преимущественно на интуицию. И она его не подвела. Действительно, **свет просвещения изливался на Русь из Православия, наши монастыри исполняли ту роль, которую в Европе играли университеты, – не случайно в Новом Завете Христос неоднократно называется Светом. Девизом русского православного просвещения были слова: «Свет Христов просвещает всех».** И начиналось это просвещение не с развития интеллекта и эрудиции, как в сегодняшних Европе и США, а с куда больших глубин – с развития и просвещения духовного и нравственного, чем, как мы видим, и занимались оптинские старцы. То, чем сегодня измеряет просвещение евроамериканская цивилизация, для тогдашнего русского человека было слишком мелко и поверхностно. Такое просвещение не отвечает на главные вопросы жизни – о её вечном, а не сиюминутном смысле, о высшей цели, к которой человек должен быть устремлен и которая сама по себе уже определяет как средства, так и пути, не оставляя его в полной беспомощности пред лицом мирового зла и неминуемо прерывающей всякую биологическую жизнь смерти, а также – и перед многообразными формами манипулирования личностью и зомбирования её, столь изощрёнными сегодня. Тот, кто не различает добра и зла, истины и лжи и не устремлен к любви, лишен всякого света и не может считаться просвещенным человеком, потому что все свои прагматические знания и навыки он может превращать в средство распространения мрака и зла!

Какое же место занимает Оптиная пустынь в истории русских литературы и культуры? Именно здесь произошло духовно-философское самоопределение одного из основателей русского славянофильства И.В. Киреевского. Без неё И.В. Киреевский не сформулировал бы тех положений славянофильства, которые принадлежат лично ему. С.С. Хорунжий пишет: «Аскетико-филологическая школа» преподобного Макария развила в нём те черты, которые и отличают его от современных как ему, так и нам, отечественных и зарубежных философов». Под руководством старца Макария И.В. Киреевский подготовил к изданию и издал 16 важнейших для русского старчества духовных книг, и по праву считается одним из зачинателей Оптинского книгоиздательства. Русское славянофильство, многие представители которого посещали обитель, вообще трудно представимо без учета влияния этого монастыря. Как было убедительно показано в 1990-х годах М.М. Дунаевым, русское славянофильство (в отличие от русского консерватизма) стоит на фундаменте Православия [2, с. 324–350]. И хотя в юности будущие славянофилы активно изучали европейскую, в том числе и немецкую философию, но найти незыблемые философские основания для своей позиции им удалось, лишь утвердившись на Православии. **Именно православная система ценностей, православная аксиология, а не немецкий национальный романтизм рубежа XVIII–XIX вв., лежит в основе славянофильства.** Для истории культуры и литературы XIX–XX вв. значение существования славянофильства колоссально (оно дало Ф.М. Достоевского, самого известного в мире российского писателя!), а следовательно, неизмеримо и значение Оптиной пустыни. Именно тут Н.В. Гоголь нашел ответы на свои духовные вопросы, мучившие его всю жизнь, нашел уже после создания им своих классических произведений и формулирования основных принципов духовного реализма в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Он даже мечтал поступить в этот монастырь монахом, но беседовавший с ним преподобный Макарий Оптинский тактично отказал ему, сказав, что он должен служить Богу теми талантами и способностями, которые дарованы ему Богом, т.е. на ниве литературы. Именно здесь нашел утешение потерявший малолетнего сына Ф.М. Достоевский, перенесший впечатления, вынесенные им из посещения обители, в свой итоговый роман «Братья Карамазовы». Достоевский дал даже художественный образ святого старца – старца Зосимы в «Братьях Карамазовых», прототипом которого был знаменитый преподобный Амвросий Оптинский. Более того, описывая в романе монастырь и давая характеристику монастырской жизни, он изложил краткую историю старчества того времени и основные положения православной концепции жизнеустройства, за которой легко угадывается учение оптинских старцев. Кроме того, в том же романе писатель сумел убедительно изобразить и псевдостарца – отца Ферапонта (в духовной жизни имеются свои формы лжи: обольщения и самообольщения). Прототипом его стал монах Вассиан из жития преп. Леонида Оптинского и, вероятно, какие-то личные наблюдения и сведения писателя.

Именно через славянофилов и таких писателей, как Гоголь и Достоевский, приходит в русскую классическую литературу идея «монастыря в миру», или «русского инока». Суть ее в следующем. Эти писатели указывали, что в современную им «преимущественно разлагающуюся» (выражение Ф.М. Достоевского) эпоху праведники, то есть те, кто сумел научиться жить подобно Иисусу Христу (обожиться), должны находиться не столько в монастырях, сколько в миру, где они будут служить образцом и путеводителем к жизни, достойной человека, среди многочисленных примеров жизни прямо противоположной. Но, как отмечает С.С. Хорунжий, это идея, давно зародившаяся в русских монастырях и пришедшая именно оттуда. Не удивительно поэтому, что и Лев Толстой в течение своей жизни шесть раз приезжал в Оптину пустынь, причем нередко именно в духовно сложные, а то и в переломные ее периоды. На протяжении своей жизни

он поочередно встречался с несколькими старцами, поскольку они сменяли друг друга, постепенно сходя в могилу. Совершив резкий поворот в своем мировоззрении в 1879 году в сторону от Православия, а уж тем более от признания высоты монашеской жизни, он тем не менее всё-таки изредка появлялся в Оптиной. Судя по всему, в нем не затихал внутренний диалог–спор с преподобным Амвросием Оптинским, который в своё время пытался переубедить отвернувшегося от Православия Толстого. Родной сестре писателя, монахине, старец назвал причину упорства того в своем заблуждении: «Горд очень!» Даже в момент своей предсмертной болезни Л.Н. Толстой отправил в Оптину телеграмму, что желает встретиться со старцем Иосифом, заступившим место усопшего о. Амвросия, но приехавший вместо тяжело болевшего о. Иосифа следующий старец о. Варсонофий не был допущен к писателю его окружением, которое боялось отречения Толстого на смертном одре от своего учения.

Таким образом, **с Оптиной пустыней оказываются духовно связаны, в первую очередь, писатели, прямо ориентировавшиеся на христианскую систему ценностей в искусстве:** «духовные реалисты» Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский периода «Братьев Карамазовых», Л.Н. Толстой, а также христианские романтики В.А. Жуковский, гр. А.К. Толстой, Великий князь Константин Константинович (поэт К. Р.), А.С. Хомяков, К.С. Аксаков и еще ряд представителей русской культуры. Это прямое, легко обнаруживаемое влияние обители на литературу и культуру. **Но важно и не прямое воздействие, которое было намного тоньше:** через беседу посетителей со святыми, молитву, причастие, через долговременные по действию советы.

Сейчас уже очевидно, что **сила русских классиков состоит в том православном наследии, которое они впитали с детства просто по праву своего рождения в России.** Будучи представителями русской интеллигенции, они видели свою роль в том, чтобы быть учителями своего Отечества, попутно перелагая на язык нашей культуры и то, что находили ценного в культуре западноевропейской. Но далеко не все из того, что предлагала им Европа, заслуживало заимствования, и они вносили свои поправки. Часто эти поправки оказывались выражением традиционной православной точки зрения на тот или иной предмет, бессознательно усвоенной русскими писателями или в детстве, или в процессе общения с представителями Православия, в том числе и с оптинскими старцами. И тут перед ними вставал вопрос о критерии истины. **Они ощущали, что будучи учителями людей, они сами нуждаются в учителе и советчике. Многие русские славянофилы и тяготевшие к ним писатели (не исключая, впрочем, и некоторых наиболее трезвых западников) нашли их в лице оптинских старцев.** Например, в свое время обитель посетил И.С. Тургенев, который никогда не афишировал себя как верующий человек. А в то же время его повести о юношеской любви содержат в себе такую нравственную чистоту и целомудрие, что в наше растленное время совершенно очевидно, что он выразил тут традиционный православный идеал целомудренной и чистой любви, утраченный к его времени западноевропейской культурой. Никаких подробностей посещения им монашеской обители не сохранилось, но такие произведения писателя, как его «Живые мощи» («Записки охотника»), «Странная история», «таинственные, или мистические» повести, показывают, что факты, явно относящиеся к сфере религии, не игнорировались писателем, и он их тоже затрагивал в своем творчестве.

Русское старчество, развивавшееся в обители, было замечено соотечественниками. В начале XX века в России было уже более 100 монастырей, практиковавших его. И хотя крупнейшие фигуры духовного реализма XX века – И.С. Шмелев и Б.А. Зайцев – не были связаны с Оптиной, зато они описали в своих очерках иные старческие обители, выполнявшие для них ту же самую функцию. Они тоже нередко писали свои знаменитые произведения по благословению старцев. Эта линия нашей литературы («духовный

реализм» и русский христианский романтизм), как мы видим, напрямую зависима и от оптинских традиций и от русского старчества как такового.

Однако воистину «Дивен Бог во святых своих»! Жива Оптина и сегодня. В 1990-е годы произошло восстановление обители из руин. И не только материальное, но и духовное. После гибели одного из убитых сатанистом в 1993-м году монахов – иеромонаха Василия (Рослякова) – остался его дневник, содержащий, в частности, религиозно-философские конспекты и заметки, позволяющие по-новому взглянуть на некоторые духовные аспекты искусства [5, с. 300–301, 304–305, 318, 319]. Кроме того, недавно было издано духовное наследие преподобного Варсонофия Оптинского. Его духовно-нравственная характеристика представителей классической литературы XIX века представляет значительный интерес для всех интересующихся ими [7]. А в 2005 году появилась статья о значении изданных в середине XIX века И.В. Киреевским под руководством преподобного Макария Оптинского и при поддержке и помощи ряда известных литераторов, включая Н.В. Гоголя, 16-ти книг из святоотеческого наследия. Мысль статьи следующая. В условиях надвигающегося глобального кризиса необходимо формирование в России аскетически и православно ориентированной национальной элиты, потому что все народы, не способные к самоограничению, окажутся неспособны отстоять свою самобытность в новых условиях. И православная аскетика, основы которой излагают упомянутые 16 книг, становится сейчас нашей насущнейшей потребностью, духовной основой сохранения русской цивилизации [6]. Таким образом, духовный и нравственный потенциал Свято-Введенской Оптиной пустыни и сегодня востребован и продолжает своё служение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии, I, 3 / Дионисий Ареопагит // Писания Св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. – СПб., 1855.
2. Дунаев, М.М. Православие и русская литература. В 6 ч. Ч. 2 / М.М. Дунаев. – М. : Христианская литература, 1996.
3. Кожин, В.В. Страна поэта / В.В. Кожин // Наш современник. – 1978. – № 12.
4. Криволапов, В.Н. Оптина пустынь: ее герои и тысячелетние традиции / В.Н. Косолапов // Прометей: историко-биограф. альм. / сост. Е. Бондарева. – М. : Молодая гвардия, 1990. – Т. 16: Тысячелетие русской книжности.
5. Павлова, Н. Пасха красная. О трех Оптинских новомучениках, убиенных на Пасху 1993 года / Н. Павлова. – М. : Апостол Веры, 2007.
6. Пичугин В. Великий проект, или Технология выживания России в XXI веке [Текст] / В. Пичугин // Наследник. М. 2005. № 4/5.
7. Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы с духовными чадами / Варсонофий Оптинский, преподобный // Преп. Варсонофий Оптинский. Духовное наследие. – Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 2004.
8. Хорунжий, С.С. Духовные основы русского старчества / С.С. Хорунжий // Феномен русского старчества: примеры из духовной практики старцев. – М. : Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2006.
9. Юрьева, Ю.И. Пушкин и христианство : сб. произведений А.С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием / Ю.И. Юрьева. – М. : Муравей, 1998.